

Александр Варго
НОМЕР 19

Беда и близнецы никогда не
приходят в одиночку.

Янина Ипохорская

Тот усердствует слишком, кричит:

«Это — я!»

В кошельке золотишком бренчит:

«Это — я!»

Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит:

«Это — я!»

Омар Хайям

*Санкт-Петербург, 2024 год,
26 декабря, 18.22*

Слыша сосредоточенное сопение над своей головой, Светлана неожиданно подумала о барсуке, который случайно наткнулся на мешки с мусором, оставленных быдлчыми туристами, и теперь увлеченно копался в них, надеясь отыскать что-либо съестное.

Она всегда прикрывала глаза во время секса с Германом. Не потому, что это была инстинктивная прихоть организма, просто ей было не-

приятно видеть перед собой его напряженную физиономию, блестящую от пота. Когда Герман входил в нее, у него появлялось выражение математика, замершего над мегасложным ребусом, от результата которого зависела его жизнь. Поэтому она опускала веки, терпеливо ожидая, когда у этого клиента наступит оргазм. Герман сопел и кряхтел, а его свисающее с шеи ожерелье из когтей совы щекотало ей кожу.

Наконец его дыхание участилось, и Светлана с тревогой приоткрыла глаза.

— Не в меня, — предупредила она, и в это мгновение за стенкой раздался отчетливый громкий стук.

Герман вздрогнул, судорожно сглотив, по мускулистому телу пробежала дрожь.

— Ксения, — послышался из соседней комнаты старческий глухой голос. — Ксения!

— Какого хрена, Герман, — нахмурилась Светлана, наблюдая, как мужчина с шумом выпустил из себя воздух. — Только не говори, что ты впрыснул в меня, козел!

Она мысленно выматерилась, ощущая, как нутро заполнилось горячей семенной жидкостью. Между тем Герман лениво перевалился через нее, развалившись на смятой постели.

— Кто там за стенкой? — спросил он, нащупывая рукой сигареты, лежащие на выдавшей виды тумбочке.

— Отец. Ты не ответил.

Светлана приподнялась, злобно уставившись на низ живота. Струйки спермы, вытекающие из влагалища, мутным пятном расплывались на простыне. — Я же предупреждала тебя!

— Отвали, — бросил Герман, закуривая сигарету. — Сама виновата. Предохранение от нежелательной беременности забота баб.

НОМЕР 19

Светлана вскочила с постели.

— Если я залечу, подам на тебя в суд! — пригрозила она, запахиваясь в халат. — От алиментов не отмажешься.

Герман усмехнулся, поправляя небольшой хвостик на макушке. Его виски и затылок были всегда гладко выбриты, и Светлана, глядя на него, порой непроизвольно думала о луковице.

«Чиполлино, мать его», — неприязненно подумала она.

— Ты сначала залети, детка, — откликнулся Герман. — Сколько ты пропустила клиентов за все время, пока мы знакомы? В твое дупло только «ау» кричать можно...

— Закрой свою пасть! — рассвирепела Светлана. — У меня есть сын, между прочим! И с моим организмом все в порядке! А вот у тебя наверняка букет всяких трипперов!

— Ксения!! — закричал раздраженный голос за стенкой, после чего вновь последовал удар.

— Я думал, твой папаша склеил ласты, — сказал Герман, выпуская изо рта струю дыма. — Старый хрен действует мне на нервы. Чего ему надо?

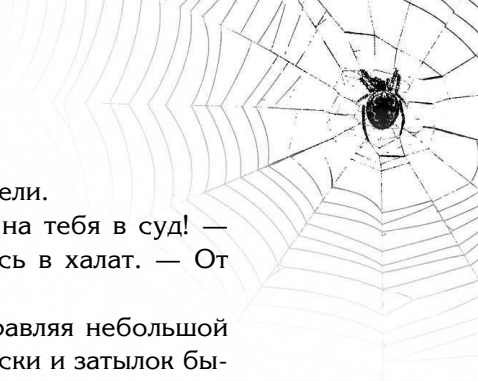
— Моя сестра.

— Та сумасшедшая?

— Не твоего ума дело.

Он задумчиво почесал промежность. Возле паховых волос, поблескивающих серо-жемчужными капельками спермы, был вытатуирован пухлый гном в колпаке. Склонившись над съезжившимся пенисом, гном с любопытством таранился на мужское достоинство Германа, освещая его свечным фонариком.

— Поднимайся, — велела Светлана, завязывая поясик на халате.

— Куда ты торопишься? — осведомился Герман. — Позови для старика свою сестру. От этой долбежки у меня на половину шестого. Пусть он заткнется.

Стряхнув пепел прямо на пол, он, прищурившись, разглядывал Светлану.

— Можно повторить. Я не против.

Она покачала головой.

— На сегодня все. Я должна провериться после тебя. Таким, как ты, доверять нельзя. Давай бабки и мотай отсюда.

— Детка...

— И перестань сыпать пепел на пол! — взвизгнула Светлана. — Ты не в хлеву!

Герман затаился и, сложив губы буквой «О», с наслаждением выпустил наружу аккуратное сизое колечко.

— Можно поспорить, где чище — у тебя в квартире или хлеву, — заметил он. Сместив взгляд влево, мужчина подцепил указательным и большим пальцами коричневатое пятнышко с влажной от пота подушки и поднял руку:

— Видишь, грязнуля? Это постельный клоп. Это я должен тебе скандал закатывать, а не ты из-за каких-то паршивых гандонов. Скажи спасибо, что справки от венеролога не требую.

— Пока тебя не было, постель была чистой, — огрызнулась Светлана. — Это ты с собой притащил этого кровососа! И скорее от тебя можно подцепить трипак, в отличие от меня! Я за собой слежу!

Герман неспешно поднялся. Опустив окурок в стакан с выдохшимся пивом, он туда же отправил дохлого клопа, затем принялся одеваться.

— Пожалуй, я действительно пойду. Неро-вен час из-под кровати какой-нибудь крокодил вылезет и откусит мне хрен.

НОМЕР 19

— Ксения! — прохрипели из соседней комнаты.

Герман скривился.

— Как вы с ним живете? — поинтересовался он, напяливая джинсы. — Тронуться можно. Я бы на вашем месте застраховал вашего старика, а потом уронил пару раз на пол. Типа, он сам, нечаянно. Одним выстрелом двух зайцев, ты-дыщ!

Он перехватил горящий взгляд женщины и понятливо ухмыльнулся.

— Я так и знал. Ты постоянно думаешь, как бы избавиться от него, верно?

— Захлопнись и давай бабки, — холодно отозвалась Светлана.

Брови Германа выгнулись дугой.

— Я думал, у нас любовь-морковь, — произнес он, глумливо подмигивая оторопевшей женщине. — Какие могут быть деньги между влюбленными, детка?

Светлана встала у дверей.

— Готов признаться в любви, лишь бы не платить за трах? — фыркнула она. — Ты не уйдешь из квартиры, пока я не получу свою десятку.

За стеной продолжал раздаваться остревелый стук.

— Надеюсь, твой батя долбится башкой, — предположил Герман, подходя вплотную к Светлане. — Потому что если этот концерт по заявкам не закончится, я сам сверну шею старому мудаку.

Не сводя глаз с проститутки, он вытащил из внутреннего кармана несколько купюр и бросил их ей под ноги.

— Все что есть, милая, — проворковал он. — Справедливая цена за твой сервис.

Светлана наклонилась, собирая деньги.

В дверь робко постучали.

— Мама? — послышался детский голос.

Герман закатил глаза.

— Тут всего две штуки, — возмутилась Светлана, поднимая голову. — Ты с дуба рухнул? Этого хватит на шесть батонов хлеба!

Герман вздохнул с деланным сочувствием.

— К сожалению, большего ты не стоишь. Ну, лишь из уважения к нашей дружбе... вот.

С этими словами он из того же кармана выудил полиэтиленовый пакетик, перехваченный резинкой.

— Побалдеешь, — сказал он, снова подмигивая. — Вещь стоящая, гарантирую. С клубничным вкусом, почти как конфетка. Только не рекомендую больше одной штучки за раз, а то чердак поедет...

— Мама! — снова позвал ребенок снаружи.

— Мне не нужны твои «колеса»! — крикнула Светлана, окончательно выходя из себя. — Давай деньги!

Она стукнула Германа в грудь, но ответ не заставил себя ждать, и хлесткая оплеуха едва не опрокинула проститутку на пол. Светлана отшатнулась, держась рукой за пламенеющую щеку.

— Мразь, — процедила она, с бешенством глядя на несговорчивого клиента.

— И тебе не скучать, — хмыкнул Герман, открывая замок. Скрипнув, дверь распахнулась, и он едва не столкнулся с худеньким мальчуганом лет пяти. На ребенке были лишь красные шорты в грязных разводах. Ручки и ножки тоненькие, словно веточки, готовые сломаться от первого неуклюжего движения. Парнишка испуганно присел, вжав голову в тощие пле-

НОМЕР 19

чи, словно ожидая неминуемого удара. Герман хихикнул и торопливо прошел в холл, освещаемый одиноко моргающей лампочкой на проводе.

— И позовите, наконец, Ксению, — кривляясь, проговорил он, начиная обуваться. — А то ваш старичок сорвет глотку...

— Ненавижу тебя, — выдавила Светлана, едва сдерживая слезы.

— Ты сказала, вас выселяют из хаты, детка, — вдруг сказал Герман, накидывая теплую куртку. — Что ж, бывает. Если что, я могу организовать тебе гараж. Вместо платы будешь обслуживать моих приятелей!

— Убирайся!

Его губы растянулись в кривой усмешке:

— С наступающим!

Сделав реверанс, Герман выскользнул из квартиры.

— Мама? — дрогнувшим голосом позвал мальчик, и она присела на корточки перед сыном.

— Мама, кто это? — тихо спросил паренек. Громадные серые глаза, казалось, заполнили все его лицо, чрезвычайно худое и изжелтобледное, и эти глаза с нескрываемой тревогой смотрели на мать. — Он хотел стать нашим папой?

Светлана с трудом удержала рвущийся наружу истеричный смех. Н-да, нужно иметь богатое воображение, чтобы представить Германа в роли заботливого отца и любящего мужа.

— Нет, Антоша... Он... просто гость. Ты что-нибудь поел? Тетя Ксюша тебя покормила?

Мальчик замотал головой, рассеянно щупая пальцами пузырьки герпеса, назревающие на губах.

— Мы рисовали.

Стук в соседней комнате возобновился с удвоенной силой, и лицо Светланы из благодушного стало жестким, почти злым.

— Мама, бабушка стучит, — озабоченно произнес Антон. — Ему что-то надо, наверное.

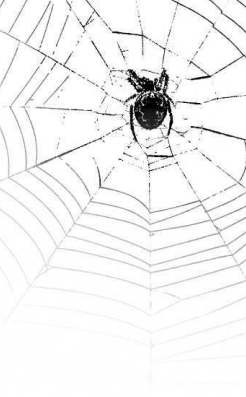
— Не ковыряй губы, — приказала она. — Посиди пока здесь.

Мальчик послушно зашел в комнату, а Светлана направилась к отцу. Внутри у нее все кипело — она и так не питала особых чувств к своему пожилому родителю, но после той страшной аварии, унесшей жизнь матери, она возненавидела его. Затаенно-тихой, жгучей ненавистью, которую она одно время пыталась держать в себе, но в последние дни та все чаще выплескивалась наружу, словно кипящее варево из котла, потому что огонь под ним разгорался все больше и больше.

Женщина вошла в комнату, закрыла за собой и поморщилась — запах в помещении был невыносимым, дикая мешанина из затхлого воздуха, пыли, просроченных лекарств и экс-крементов.

— Чего тебе? — спросила она, закрывая за собой дверь. Светлана уже не пыталась скрыть брезгливость, глядя на прикованного к постели отца. За полгода лежачего существования Алексей Сергеевич, некогда крепкий пятидесятисемилетний высокий мужик, похудел вдвое, превратившись в высохшую мумию, от которой постоянно несло, как из выгребной ямы. Его темные волосы поседелли сразу же, как он, очнувшись, узнал о смерти супруги, и теперь они грязной паклей лежали на подушке, образуя гротескный нимб. В левой руке он сжимал инвалидную трость, которой вот уже несколь-

НОМЕР 19

ко минут безостановочно колотил по тумбочке. И хотя старик понимал, что уже никогда не встанет на ноги, он настоял, чтобы рядом с ним всегда была трость. Светлана полагала, что наличие этой дурацкой палки с резиновым набалдашником создавало у отца ощущение некой надежды на выздоровление. Пусть и иллюзорной, как мираж в пустыне. Впрочем, у трости было и другое предназначение — старик всегда лупил ею по тумбочке, когда ему что-то было нужно. Раньше он долбил в стену, из-за чего обои в местах соприкосновения с палкой были разодраны в клочья, обнажив штукатурку. Но вскоре отец понял, что стук в стену получался тихим, и он переключился на тумбочку.

Алексей Сергеевич глядел на дочь со смешанным чувством гнева и страха.

— Чего надо?! — раздраженно повторила Светлана, потянув носом. — Опять обделался? Посмотри, что ты со стеной сделал! Скоро можно окно в мою комнату вставлять! Колотил бы своей клюкой уже куда-то в одно место! А еще лучше по своей голове!

Инвалид провел по шелушащимся губам кончиком языка.

— Я звал... Ксюшу, — отрывисто произнес он. — А не тебя.

— Я сейчас позову ее.

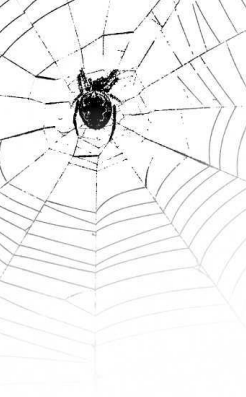
С этими словами Светлана шагнула к окну, приоткрыв створку. Внутри сразу ворвался свежий воздух.

— Снова водишь... к себе... мужиков? — внезапно спросил отец.

— Это тебя не касается.

Алексей Сергеевич издал клопочущий звук.

— Шлюха. Знаешь, твоя мать... Умерла бы во второй раз... когда узнала бы...

Губы Светланы тронула недобрая усмешка.
— Ты бы молчал уже о маме, развалина. Если бы черт тебя не дернул в ту ночь гнать домой... она была бы жива. И ты сейчас не валялся со сломанной спиной.

— Негодяйка... — с трудом выговорил Алексей Сергеевич. — Как ты смеешь... Я никогда... Все только для вас... Ради твоего сына...

— Да плевать на тебя, — обронила Светлана. Она уже намеревалась покинуть комнату, как отец позвал ее.

— Почему ты... — задыхаясь, проговорил он, — не сказала про суд? Про то, что... квартира уже не наша? И нас могут... выставить вон?

Она с недовольством поджала губы.

— Откуда ты знаешь?

— Услышал. Ты не умеешь говорить нормально... орешь в телефон так... что слышно на чердаке. Я тут для мебели? Почему... я узнаю, что выселяют... в самую последнюю очередь?

Светлана вздохнула.

«А что бы ты сделал, если бы узнал, что мы не в состоянии платить ипотеку? — угрюмо подумала она. — Громко пукнул в знак протеста?»

— Потому что у нас нет денег, чтобы выкупить ее, — устало произнесла Светлана. — У тебя есть сорок пять миллионов? Твоей пенсии едва хватает на лекарства для тебя. Правда, от этих таблеток пользы не больше, чем от клизмы.

Алексей Сергеевич закашлялся, в уголках его глубоко запавших глаз выступили слезы.

— Что же... с нами будет? — тихо спросил он, когда приступ утих.

Светлана пожала плечами. Она внезапно подумала о словах Германа. Насчет страхования

НОМЕР 19

отца и его «нечаянного» падения на пол... с летальным исходом.

— У нас еще есть время до Нового года. Пять дней, — задумчиво произнесла она. — На Новый год иногда происходят чудеса.

Старик беспокойно заерзал на несвежей постели.

— Ты... сошла с ума, — проскрипел он. — У тебя сын... больная сестра... ей тоже требуется уход... Надо ехать в Воронеж... Там участок и дом твоей бабушки... он старый, но крыша над головой есть... как-нибудь...

«Какой, в задницу, дом с участком, — мысленно проговорила Светлана, глядя на бормочущего отца. — Все давно продано, а вырученные деньги ушли на оплату долгов».

— Конечно, Воронеж, — вслух подтвердила она. — Тебя живым на первый этаж спустить, и то подвиг будет. А ты в Воронеж собрался. В электричке тебя везти, что ли?

Очевидно, Алексей Сергеевич не расслышал слова дочери и недоуменно уставился на нее:

— Что?

Но Светлана уже закрыла за собой дверь.

Она собиралась позвать сестру, но вспомнила о сыне и заглянула в комнату, где еще десять минут назад лежала на смятой простыне с раздвинутыми ногами. Антон к тому времени включил телевизор и, забравшись на постель, с интересом вертел в руках полиэтиленовый пакетик, который Герман оставил ей перед уходом.

«Вещь стоящая, гарантирую. С клубничным вкусом», — скользнули у нее в мозгу слова похотливого мерзавца с куцым хвостиком на макушке.